

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 31, Is. 3, pp. 152–161, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-31-3-152-161
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398.3

Actualization of the Archetypal Meanings of ‘Stone’ in Karachay-Balkar Folklore

Zukhra A. Kuchukova¹

¹ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russian Federation). E-mail: kuchuk60@list.ru

Abstract. The theory of archetypes has well been developed in works of many foreign and Russian scholars: C.G. Jung, Yu.V. Domansky, E.M. Meletinsky, V.A. Markov, A.A. Kolesnikov, M.A. Khakuasheva and others. At the present stage, it is essential to study the key archetypes — with evidence from ethno-cultural materials — for the understanding of ‘logos’ and ‘voice’ of different peoples worldwide. The article considers the central archetypal image of Karachay-Balkar culture — ‘stone’ — in the composite context of all its mythopoetic meanings. Proceeding from the premise that the rocky mountainous ethnolandscape and the key archetype are closely interrelated, the author considers the status of stone in the material culture of North Caucasian highlanders in the first part of the paper, namely: stone houses, fences, millstones, fortresses, ovens, grindstones, amulets, prayer rugs, press stones, astronomical calendars, measure of surface, divination objects, sports equipment, talismans, healing stones, grave-stones, etc. A special group of stones are those used in folk games. In common, ethnographers distinguish about 250 stone-denoting words in the Karachay-Balkar language. The second part of the research deals with the key archetypal meanings of stone in the Karachay-Balkar epic — *The Narts* — which is the main epic monument of the Balkar and Karachay people. Here, too, the concept of ‘stone’ occupies an important place defining all levels of the practical and spiritual life of the highlander. According to the epic, the first man had been placed into the core of a blue meteorite stone and, thus, came down from the sky. In another significant episode, the hero fills caldrons of infernal forces with stones instead of food, thereby expressing the emerging spiritual independence of the Narts. The motif of birth from stone can be found in folklore of some peoples worldwide; but the motif of fertilization of a stone is unique and is absent in other myths. The Nart hero Sosuruk had been born from stone and after death also turned into stone. The list of ‘stone’ motifs comprises the ones as follows: ‘stone divination’, ‘stone as a measure of honor and dignity of a person’, ‘stone as a way of learning the world’, ‘stone as a creation of a solid culture from unstable elements’. The motif of ‘patience’ plays an important role in the value system of North Caucasian highlanders. In many fairy tales and legends there are characters with stones attached to their feet, sometimes millstones, symbolizing both patience and the secret high-speed energy of a person. When reading the Nart sagas, all the listed ‘stone’ images and motifs — such as the cradle of the first man, stone informative books, a chaos-conquering firmament (stone as a means to learn the world), the code of human attachment to the native land — should be perceived in a semantic unity. The main folklore ‘stone’ motifs are widely and creatively applied in literary works by Karachay and Balkar professional authors.

Keywords: archetype, stone-centric consciousness, Karachay-Balkar folklore, ethnography, ‘stone’ leitmotif, world of objects, Nart epic.

Богатейший спектр архетипических значений камня в карачаево-балкарской художественной культуре не поддается до конца научному учёту и систематизации из-за тотальной пронизанности мотивом камня всех уровней горского бытия. Крайне трудно найти сферу деятельности кавказца, в которой не применялся бы камень. Горец, для которого «камень больше, чем камень», отталкиваясь от природных свойств минерального образования, наделяет его метафизическими характеристиками, выделяя для него особый «уровень» в универсальной картине мира.

Развитие антропоцентрического литературоведения в числе актуальных задач выдвинуло на передний план исследование отдельно взятых, этнокультурно обусловленных концептосфер. В данной статье объектом исследования является «камень» — ключевой для карачаево-балкарской концептосферы архетипический образ, имеющий множество смысловых преломлений в природной среде, материальной культуре и духовной жизни народа.

Балкарский поэт Кайсын Кулиев пишет: «Тёплый камень очага греет босые ноги ребёнка, стены своего жилья горцы делают из камня, а также жернова водяных мельниц и ограды. Косы, кинжалы, ножи точили на камне. И стреляли по врагам мои земляки, лежа за камнем, и отдыхали, сидя на камне, и раненые опирались на камень, и погибали люди часто от камня, сорвавшегося со скалы. Камень, наконец, становится надгробием жителя гор, сохраняя его имя на долгие годы» [Кулиев 1986: 305]. В «каменный тезаурус» народного поэта ученые вносят дополнительную информацию: «Камень — это постель горца, карниз, кресло правителя, жертвенник, сковорода, подставка для печки хлеба, звёздная карта, крепость, материя проклятия и материя терпения» [Урусбиева 2003: 112].

Факты раннего приобщения ребенка-горца к камню можно почерпнуть из этнографической литературы, где описывается балкарская традиция вешать над колыбелью несколько дырчатых камешков на верёвочках. Считается, что «ребенок до двухлетнего возраста может развлекаться, дёргая, двигая, толкая эти камешки, свисающие на веревочке сверху» [Таумурзаев 1998: 141]. Другой обычай связан с опоясыванием краев люльки по периметру тонкой бечевкой, на которую нанизаны камни размером с

грецкий орех. В обоих случаях камни выполняют не только развлекательную роль, но и функцию оберега от сглаза и злых низших сил.

Обобщая свидетельства старожилых и личные наблюдения, можно составить весьма обширное «каменное досье»: горцы юношеского возраста при помощи камней разного цвета, формы, размера составляли предметное (чаще всего любовное) письмо; метание камней было популярным видом спорта; камень использовался в мантической системе; в качестве меры веса применялся камень-гиря (*базман-таш*). Ни одна семья в хозяйстве не обходилась без точильного камня (*хыршы-таш*), камня-гнёта для кадушки с соленьями (*тузлук-таш*). Относительно недавно балкарскими археологами в горах обнаружен каменный астрономический календарь; в горской метрологии известна мера площади *таш орун*, обозначающая место, занимаемое камнем среднего размера. В народной медицине широко использовались лечебные камни, в частности прозрачный кристалл *ачыуташ* ('горький камень, квасцы') — вяжущее, прижигающее, кровоостанавливающее средство.

Можно предположить, что для горцев-язычников Кавказа в принятии исламской веры немаловажную роль в свое время сыграла «метафизическая привлекательность» мекканского священного камня Кааба как одного из значимых объектов в атрибутике новой религии. Особое, эмоциональное значение для балкарцев и карачаевцев имеет и метеоритное происхождение арабского камня, типологически приближенное к «этиологическим камням» нартского эпоса. Как духовный «прототекст» «родного камня» воспринимается балкарцем и другое сказание об арабской святыне, согласно которому «в чёрном камне воплощен окаменевший ангел, присланный из рая. В день страшного суда он оживёт и предстанет в роли заступника за целовавших его верующих» [Климович 1986: 12].

Карачаевский этнолог М. Д. Каракетов, ссылаясь на информаторов, отмечает, что в древности у горских народов «на похоронах полагалось рядом с умершей женщиной положить белый камешек, а рядом с усопшим мужчиной — синий» [Каракетов 1995: 187]. Данный обряд связан с верой в возрождение человеческой души через исходное воссоединение с камнем. Любопытно, что в древнем обряде нашла отражение гендер-

ная символика, выраженная через цветовое решение камней.

В настоящее время многие фольклористы Кабардино-Балкарии работают над проектом «Музей Камня». Большое количество экспонатов для музея уже найдено усилиями энтузиастов. По их сведениям, архаичный балкарец среди горных пород камней различал около 250 разновидностей — *каин, урфо, урходук, чёпре, шаушюгут, астауул, сеуулау, жанжар, ёсенги, гёнтю, жангар, шунгар, бойсунган, хомпар-таш, баян-таш, жилиан-таш, сылау-таш, ас-маран таш*, поющий камень *ойто таш* и мн. др. [Аппаева 2004: 42]. Многие образцы уже собраны, атрибутированы и хранятся в частной коллекции известного балкарского этнографа, фольклориста Д. М. Таумурзаева. На данном материале коллекционер подготовил к изданию «Каменную книгу», где представлена классификация минералов по функциональному признаку: камни-инструменты; камни-спортивный инвентарь; камни для обработки шерсти; ритуальные камни; камни-талисманы; целебные камни; камни-женские украшения; надгробные камни; исторические камни, камни как объекты искусства [Аппаева 2004: 43]. Следует отметить «экологическую культуру» коллекционера, который по возможности не изымает из природного контекста крупные музейные экспонаты, но обеспечивает их сохранность.

Кабардинский этнограф Б. Х. Бгажноков, отмечая «грехо-регистрающую» функцию камня, описывает устоявшуюся привычку одной пожилой горянки кидать в специальный мешочек камешек размером с бусинку после прочтения молитвы о снисхождении и прощении за совершенный грех [Бгажноков 2003: 200]. Взаимосвязанность концептов «грех» и «камень» имеет глубоко обоснованные мифологические корни. Согласно одной мусульманской легенде, «при изгнании из рая Адам получил от Бога камень, чтобы обрести прощение своих грехов. Он же воздвиг вокруг него первое святилище. А уже на фундаменте этого святилища Ибрагим (Абраам) и Исмаил соорудили нынешнюю кубообразную постройку» [Жюльен 1991: 170]. В фольклорном сознании многих народов мира сохраняется вера в то, что камень может быть посланником в потусторонний мир. Этнографический этюд из сегодняшней жизни Кабардино-Балкарской Республики: молодая женщина Ф. К.,

недавно похоронившая свою мать, по совету старших берёт 77 камешков, на каждый из них начитывает по одной молитве и раскладывает их на месте захоронения матери. По мнению исполнительницы этого обряда, камни донесут до души усопшей *сууан* 'богоугодное дело'.

В народной памяти до сих пор сохранились собственные имена священных камней, о которых сложены легенды и исторические предания. До революционных преобразований 1917 г. в верхнебалкарском селении Шаурдат большой популярностью пользовался священный камень *Аш-Тотур*, которому молодые горцы в день совершеннолетия приносили жертву. Всадники, приближаясь к нему, уважительно спешили. Сохранилось историческое предание о том, что однажды некий гордый князь отказался слезть с коня. Подтрунивая над своими попутчиками, он взял ружье и выстрелил в сердцевину камня. Еще не развеялся пороховой дым, как неожиданно на князя налетело небольшое облачко с пчелой внутри. Насекомое ужалило мужчину, и он тут же испустил дух. Так в представлении горцев-язычников был наказан человек за нежелание смирить гордыню перед природными святынями.

Магическим ореолом был овеван и другой камень — *Карындаш-Таш* ('Камень братьев'). Его называли в народе камнем, примиряющим кровников, и, действительно, противники, пожелавшие оборвать цепь кровной мести, в условленный час приходили к «камню-миротворцу», пожимали друг другу руки, и с тех пор считались братьями.

Среди женщин горного края был весьма популярен в древности уникальный камень *Губус-Таш* ('Камень красоты'). В устном народном творчестве балкарцев и карачаевцев сохранилось множество легенд о чудодейственной силе *Губус-Таша*. Вечно «живая» вода, скапливающаяся после дождей во впадине камня, по мнению верующих, излечивает кожные заболевания, способствует омолаживанию женского организма. В прошлом, глядя на красавицу, северокавказские горцы легко домысливали в своем воображении ее тайные походы к чудо-камню. «Ей хорошо знакома тропинка к *Губус-Ташу*», — говорили в селениях Балкарии про красивых женщин. Знаком «гендера» был отмечен и *Мамук-Таш* ('Ватный Камень'), которому поклонялись женщины, страдавшие бесплодием и мечтавшие о легких родах.

По свидетельству фольклориста Т. Хаджиевой, «в Чегемском ущелье есть большой длинный камень, который называют *Нарт-Таш* ('Камень нартов'). Жители ущелья приносили к этому камню новорожденных детей, резали жертвенных баранов и устраивали там угощение. *Нарт-Таш* обливали водой, и воду, стекавшую с камня, собирали и в ней купали ребёнка» [Хаджиева 1994: 61]. Вплоть до революции 1917 г. среди объектов материальной культуры северокавказских горцев важное место занимали: каменный астрологический календарь, молитвенные коврики из камня и ритуальные камни для омовения покойника.

Карачаево-балкарскими фольклористами составлена иллюстрированная антология, состоящая из 250 основных народных игр. Среди них ведущее место занимают игры, прямо или опосредованно связанные с камнем: *кьол таш* ('ручной камень'), *кюч таш* ('камень-силовик'), *таш майдал* ('каменная медаль'), *Баян таш* ('камень Баяна'), *аркья таш* ('заплечный камень'), *таш тузакъ* ('каменная ловушка'), *тюп таш* ('нижний камень'), *юч таш* ('три камня'), *беш таш* ('пять камней'), *таш тёнгеретиу* ('катание камня'), *таш кьармау* ('поиск камня на ощупь'), *тобукъ таш* ('коленный камень'), *тыммыл таш* ('плоский камень'), *бешик таш* ('каменная колыбель'), *атыран таш* ('камень-атыран'). Авторы сборника Д. Таумурзаев и Х. Байрамкулов дают подробное «техническое» описание каждой игры [Таумурзаланы, Байрамкьулланы 1998].

Важно отметить, что зачастую механика «каменной игры» оказывается изначально запрограммированной каким-либо реальным случаем из жизни исторических лиц, которые прославились богатырской силой. Высшая планка их подвига становится критерием народной оценки мужской силы, выносливости, меткости, смекалки и иных качеств. Так, одна из народных забав своим происхождением обязана силачу Гитче Гороеву, имя которого сохранилось в памяти жителей селения Жемтала. Возвращаясь из дальнего похода, в пойме реки он увидел камень необыкновенной красоты, весом около 70 кг. Захватив его, он двинулся дальше. Вскоре на пути домой в поле он наткнулся на собственную корову с новорожденным теленком. Путник стал размышлять: если оставит камень, он может его больше не найти, оставит теленка — его загрызут ди-

кие звери. Тогда Гитче принял оптимальное решение: захватив правой рукой камень, левой рукой теленка, он прошагал до дому расстояние в три человеческих крика. Согласно преданию, Гороев настолько дорожил своим необыкновенным камнем, что в день выселения балкарцев он спрятал его под навозной кучей и тем самым сохранил до наших дней [Таумурзаев 1998: 178].

Камень, перешедший из материально-бытовой сферы в духовную, фигурирует во многих пословицах и поговорках: «Нет большего счастья, чем лизать камни родины и пить её воду», «Выжать кровь (воду) из камня», «Утопающий горец за камень хватается». Излишне темпераментному горцу соплеменники советуют «привязать терпение к камню». Коренного жителя гор балкарцы метафорически называют *кьадау таш* 'камень, погруженный в почву и обросший травой'. Напротив, о человеке без этнических корней, часто меняющем место рождения, с осуждением говорят, что он *тёнгереген таш* 'кочующий, бродячий камень'. Концептуальное значение для горца имеет благопожелание «*Арбазынг ташлы болсун!*», что в переводе означает 'Пусть твой двор будет каменистым' [Карачаево-балкарский фольклор 1996: 384].

В основу многих поговорок положена идея изоморфности человека и камня: «Лучше бы твоя мать вместо тебя родила камень, подходящий для кладки». Семантическим аналогом русского выражения «обойдусь без тебя» в карачаево-балкарском языке является метафора: «На то место, где ты мне понадобишься, я просто положу камешек». Эквивалент русской поговорки «Яблоку негде упасть» в языке балкарцев выражается посредством «камня»: *Кёкден таш тюшсе жерге тиймезчады* 'Если с неба упадет камень, об землю не ударится'.

Что касается художественных текстов, то камень встречается в самых древних источниках. Мотив петрогенеза положен в основу этногонических, антропогонических мифов карачаево-балкарского нартского эпоса, тем самым определяя особый уровень взаимоотношений человека и камня. Сходная природа, единоутробная сущность личности и камня подчеркивается в эпосе историей прилета с неба первочеловека Ёрюзмека с помощью метеоритного камня на горный склон. В сказании повествуется о том, как однажды, осветив все небо, «хвостатая звезда» приземлилась среди Кавказ-

ских гор. Звездой оказался «большой синий камень», внутри которого лежал «младенец-богатырь» [Нарты 1994: 308]. Отмечая уникальность подобного антропогонического сюжета в общекавказской мифосистеме, автор научных комментариев к эпосу подчеркивает, что «ни в одной из национальных версий Нартиады не зафиксировано сказание на сюжет о рождении Ёрюзмека из хвостатой звезды-метеорита» [Нарты 1994: 617].

Как мифопоэтическая «ода камню» звучит второй раздел карачаево-балкарской Нартиады, где речь ведётся о феноменологии минерала, выступающего регулятором всех законов человеческого бытия. Из-за глубины проникновения безымянных сказителей в структуру образа и обширности «каменной эпопеи» складывается впечатление, что здесь в сконденсированной форме содержатся все «петрогенные» тематические циклы, которые впоследствии будут многократно проинтерпретированы национальными художниками.

В первых строках текста встречается мифологема «Когда корыто было из камня», служащая кодификацией доисторического времени, соотносимого с хроносом первочеловека. С одной стороны, названный образ здесь служит хранителем времени, длительной исторической памяти человека. С другой — образ каменной ёмкости, используемой для купания, безусловно, «вытвердевает» в символический знак экзистенциального вместилища для новорожденного неопита, перенимающего плотью и духом свойства камня.

Далее в тексте показан процесс духовного становления героя, достигающего уровня первотворца (кузнеца) путём многоаспектного общения с камнями.

Однажды Дебет в нартские горы пошел,
Беседуя с *камнями*, ночью там остался.
Долго советовался с ними,
Потом набрал *камней* и в свой аул вернулся.
Эти *камни* руками раскрошил
И узнал, что в каждом *камне* содержится.

[Нарты 1994: 303].

(подстрочн. пер. Т. Хаджиевой,
Р. Ортабаевой)

Камень здесь выступает как этнокультурный текст, несущий богатую информацию. Сходство камня с текстом имеет настолько фиксированный характер, что

древние и современные авторы легко сравнивают камень с «письмом», «посланием», «анналами», «свитками», говорят об уровнях чтения «каменных книг», глубине постижения текста, даже о технологии книгопечатания. Эти факты в очередной раз свидетельствуют об особой значимости «изреченных знаний» и «просвещающих предметов» для Северного Кавказа, где специфика социальной коммуникации предопределена лектонической цивилизацией [Кочесоков, Кучукова 2017: 117].

Ярким примером использования камней в качестве знаковой системы является эпизод в сказании «Как Ёрюзек сражался на небе с Фуком». В нем речь идёт о том, что антигерой Фук систематически спускал с небес котлы, вынуждая нартов заполнять их провизией и отправлять обратно. Переломным становится момент, когда эпический герой набирается отваги и в знак протеста против унижительной дани кладёт в котёл дюжину камней вместо хлеба. С семиотической точки зрения, в данном случае камни несут важную информацию о духовном раскрепощении нартов, кардинально нарушающих привычный распорядок бытия. Приведенный «каменный алфавит» демонстративно реалистичен и пластически нагляден по законам укрупненного мира нартского эпоса. Что касается «техники книгопечатания», то эпический памятник изобилует историями о том, как на камнях «остаются глубокие следы прикосновения рук, ног, коленей» исторических личностей [Нарты 1994: 310]. Так, в цикле о Сосуруке упоминается большой камень на берегу Кумыша (река в Карачае. — З. К.), на поверхности которого отпечатаны «чёткие следы Сосуруко и его коня» [Нарты 1994: 375].

Типологически сходные каменно-исторические письма упоминаются в сказании о Карашауае: «Когда Гемуда, конь Карашауая, перескакивал на другую гору, он наступил передней ногой на большой плоский черный камень. Гемуда был настолько громадным и тяжелым, что его передняя нога ушла в камень. Когда он вытащил оттуда ногу, на камне остался след его копыта, и поэтому этот камень стали называть «Камень Гемуды Карашауая». Он и сейчас лежит в местности Доммайлы» [Нарты 1994: 485]. Обращает на себя внимание последнее заявление в информации сказителя, красноречиво подтверждающее неабстрактную связь современников с предками через каменные послания.

Быть средством выработки супернормативных качеств эпического героя — еще одна функциональная роль камня в сказаниях. Тренируясь в подъеме камней различного веса, скатывании их по горному склону, метании на дальность, герой совершенствует «физику» собственного тела и «метафизику» духа, которые необходимы для подвигов. По закону психологического параллелизма камень выполняет двойную функцию по отношению к человеку: за внешней работой над мускулатурой тела скрывается труд над «мускулатурой» духа. Старожилы Северного Кавказа приводят исторически достоверные факты о том, что в XIX в. местные князья, *уздени*, с помощью специалистов в горах, устьях рек выбирали для своих сыновей именные камни, предназначенные для укрепления их телесного и духовного здоровья.

Петрогенетическая история человека в наиболее полной версии отображена в цикле о Сосуруке — персонаже, имя которого стало символическим знаком одухотворенного, живородящего камня. Обращает на себя внимание семантическая мотивированность имени героя: Сосурук, по свидетельству комментаторов нартского эпоса, является двукомпонентным лексическим образованием, где *сос* — сокращенное от *состар* ('гранит, большой валун') и *урлук* ('семья, порода, потомство') [Нарты 1994: 623].

История появления на свет «человеческого детеныша» из чрева камня зафиксирована фольклорным сознанием древнего сказителя с впечатляющими натуралистическими подробностями. Экстраполируя человеческую модель деторождения на минерал, мифотворец подчеркивает синкретичность горца и камня, общность их субстанциональной сути. Фольклорист Т. М. Хаджиева со ссылкой на работу Э. Церена «Лунный бог» подчеркивает, что тема «рождения из камня» присутствует в фольклоре и некоторых других народов, но «мотив *оплодотворения камня*» является уникальным, отсутствующим в других мифах [Нарты 1994: 27]. В мифопоэтических представлениях северокавказских горцев «каменная биография» человека замыкает круг: человек рождается из камня, всем смыслом его земного бытия является актуализация «каменного» начала, и после физической кончины он вновь превращается в камень [Нарты 1994: 391]. После смерти камень также продол-

жает играть значимую роль в судьбе человека, судя по тому, что среди проклятий в карачаево-балкарском языке бытует и такой вариант: «Пусть твоя могила останется без надгробного камня» [Нарты 1994: 581].

В мифопоэтическом сознании горцев понятия «мужчина», «сын» нередко замещаются синонимичным аналогом «камень». Указанная транспозиция наблюдается, к примеру, в тексте нартского эпоса, где Сатанай говорит своему спутнику жизни, показывая на Сосурука: «Так знай же, он твой сын, // *Камень*, на который ты будешь опираться в старости!» [Нарты 1994: 332]. В другом эпизоде маленького Карашауая называют *камень Состар*, подчеркивая его стойкость и «вертикаль духа» [Нарты 1994: 437].

Мантические мотивы — не редкость в сказаниях нартского эпоса: в цикле о Карашауае встречается эпизод гадания на камнях. Не в силах расшифровать язык «взбунтовавшейся воды», нарты идут «к главной в их стране ведунье *Жанханий*», которая «гадает, разложив камушки» и истолковывает метафизическую сущность природного явления [Нарты 1994: 453]. Здесь вновь обращает на себя внимание скрытый смысл номинологического знака: Жанханий переводится с балкарского как 'властительница душ'.

Камень как мерило человеческого достоинства и женской чести обретает буквальный смысл в сказании «Княгиня Сатанай». Архаичным мыслителем моделируется сложная психологическая ситуация, когда *Сатанай-бийче* должна доказать мужу истину о супружеской верности и собственной высокой морали. Коллизия разрешается с помощью «самоцветного, сам собою раскаляющегося камня», которым, оказывается, было отмечено тело служанки, подменившей собой госпожу во время ее вынужденного свидания с посторонним мужчиной [Нарты 1994: 362].

Эпитет «глухонемой камень» совершенно не представим в образной системе нартского эпоса, наделяющего камень интеллектом, слухом, голосом. На размышления, связанные с звуко-символизмом, наводит сказание «Как нарты спаслись от эмегенов». Драматическую историю, когда нарты оказываются в темнице пленниками эмегенов, правомерно трактовать с точки зрения психоанализа как духовный кризис, нарушение психического равновесия, при-

оритет бессознательного над сознанием. В экстремальный момент узники прибегают к акустическим методам спасения: звучат мелодии кобуза, свирели («Сосурук взял два камня и стал стучать ими харс» [Нарты 1994: 504]). Ритмично чередующиеся звуки «каменных аплодисментов» выполняют в данном случае роль спасительной музыки-молитвы. Так, используя магическое «песнопение камней», нарты предотвращают опасность как в физическом, так и метафизическом смыслах.

Камень как заместительный способ постижения тайн мироздания, абстрактных категорий упоминается в мировой научной и художественной литературе. Достаточно вспомнить древнегреческих математиков, которые раскладывали камешки по контуру интересовавшего их предмета, затем подсчитывали количество камешков, устанавливая тем самым соответствие числа «сгустку материи». Сходный прием наблюдается в нартском эпосе при исследовании символики камня. В нескольких сказаниях изображается «блаженный» Соджук, который «проснулся рано утром, делал из белых камней белых овец, из чёрных камней — чёрных овец, играл ими до вечера. Из мелких камешков он делал ягнят и заставлял их сосать овец» [Нарты 1994: 510]. Здесь имеет место аллегория первичной, ассоциативно-чувственной ступени познания человеком мира, ещё неразделенного на конкретные и абстрактные диалектические половинки. Текст показывает, что камень для горца является «мерой всех вещей», главным гносеологическим инструментом, ключом к пониманию сути вселенской гармонии. Примечательный факт: впоследствии ведунья «вылечивает» Соджука от «заболевания» и отправляет его в прагматический «отсек» рационального мышления.

Мыслительные координаты горца допускают, что камни могут быть мерилем совершенства художественного текста. Так, классик карачаево-балкарской литературы Кязим Мечиев, оценивая качество стихотворения персидского поэта Фирдоуси, называет его «сотканым» (выложенным) из драгоценных камней» [Живое слово 2005: 46], метафорически соотнося свойства камня и слова. Нередко сюжетно-композиционную стройность текста карачаево-балкарские критики уподобляют «добротной каменной кладке».

Культуролог и литературовед М. Эпштейн, выявляя универсальное и уникальное в «Медном всаднике» А. С. Пушкина и «Фаусте» Гёте, приходит к выводу, что ключевые образы двух произведений объединяет поэтизация «твёрдой формы», «каменя» (пётр), «кулака» (фауст), «сотворения твёрдой культуры из зыбкой стихии» [Эпштейн 1988: 44]. В философии нартского эпоса — иное. Здесь камень — изначальная данность, стимулирующая человека на создание множества новых материальных форм, извлечения из него железа, воды и соли. Довольно часто в эпических сказаниях встречается мотив «выжимания воды из камня» как способ испытания героического потенциала нарта. Аналогичная формула встречается в цикле «Рачикау», где каждый из героев демонстрирует окружающим вершинный результат процесса собственного физического и духовного развития. «Сосурук велел привезти на девяти арбах круглых речных камней, разбросал их по полу и затем танцевал на этих камнях до тех пор, пока не обратил их в песок» [Нарты 1994: 516]. Песок в предложенном контексте выступает как первичная кристаллизованная субстанция, основа всего сущего, познанная героем-протагонистом.

В фольклорных текстах нередко встречается образ героя, к ногам которого привязаны камни (мельничные жернова). Данный поликонцептуальный образ может стать источником целого ряда не противоречащих друг другу интерпретаций. К примеру, в нем можно усмотреть опредмеченную «картинку» балкарского фразеологизма «привязать терпение к камню», идеализирующего толерантность. С точки зрения сакральной географии, в нем усматривается идея привязанности человека к исконной среде обитания, учитывая, что именно камень, в особенности *къадау таи* ('камень рода') является высшей символической формой «отчего дома». Возможна и третья трактовка: под магическими камнями можно увидеть расколотый надвое «космический корабль» первого горца Ёрюзмека и предложить вполне обоснованную идею «небесного притяжения» человека.

При анализе фольклорных текстов целесообразно учитывать всю «многогранность» камня, хотя художественный контекст подчеркивает одну доминантную линию. К примеру, в сказке «Джигит и его друзья» описывается смотритель за орлами

и соколами, к ногам которого привязаны мельничные жернова, трактуемые в подтексте как аккумуляция скоростной энергии. Образ «каменных ступней» самораскрывается в решающий момент, когда джигиту предстоит обогнать коварную колдунью. Герой срывает с ног булыжники и превращается в неуловимого скорохода. По законам «горской алхимии» период «каменных ног» является необходимой ступенью для овладения искусством метафизического полета. Подобная трактовка подкрепляется и образами птиц (орлы, соколы), указывающих герою верную дорогу.

По справедливому замечанию М. А. Хакуашевой, фольклорные архетипические матрицы в дальнейшем обретают творческое преломление и продуктивное развитие в художественных произведениях писателей Северного Кавказа [Хакуашева 2007: 344]. Свидетельством тому являются многочисленные прозаические и поэтические произведения К. Мечиева, К. Кулиева, К. Отарова, Т. Зумакуловой, И. Семенова, З. Толгурова, А. Теппеева, М. Мокаева, А. Созаева, Д. Мамчуевой, М. Ольмезова и др., где камень по-прежнему продолжает оставаться ключевой этнокультурной константой. На наш взгляд, три талантливейших «каменных текста» можно назвать художественной квинтэссенцией карачаево-балкарской национальной истории XX столетия — «Серый камень» Кязима Мечиева, «Раненый камень» Кайсына Кулиева и «Цветок на камне» Танзили Зумакуловой. «Каменные циклы» выселенческой поэзии горцев Северного Кавказа обстоятельно рассмотрены в диссертационной работе Б. А. Берберова [2013].

Коротенькое слово *таш*, означающее во всех тюркских языках 'камень', породило огромное дискурсивное поле о неразрывности горца и камня. Весьма показательны в этом отношении поэма Кайсына Кулиева «Завещание», написанная в форме философской притчи. Старик-балкарец, умирая на чужбине, к своим потомкам обращается с наказом: после возвращения балкарских спецпереселенцев на родину выкопать для него могилу, заполнить ее камнями и считать это место его последним пристанищем.

Таким образом, на основании собранного и систематизированного нами фольклорно-этнографического материала можно сделать вывод о том, что «камень» является одним из ключевых архетипических обра-

зов в поэтической картине мира балкарцев и карачаевцев и — шире — горцев Северного Кавказа. За столетия сложился разработанный до тонкостей «каменный язык», при помощи которого горец выражает присущую ему конфигурацию мышления, специфику мировидения и богатейшую гамму своих чувств. По нашему предположению, камень как этнопоэтическая константа пронизывает толщу веков в национальной истории многих «горских» народов мира. Сравнительно-сопоставительные исследования в данном направлении могут внести серьезный вклад в теорию фольклорной и литературной компаративистики.

Перспективы дальнейшего изучения «каменной» темы представляются в выявлении и описании случаев «постмодернистской деконструкции» традиционного образа камня. Первые шаги в этом направлении уже сегодня можно сделать; необходимо обратить внимание на лирику карачаевского поэта Б. Лайпанова, предлагающего инверсированные формы ключевого архетипа в национальной культуре. Другой, не менее интересный, вектор инновационных исследований — анализ гендерно маркированных модификаций «камня» на материале женской прозы и женской поэзии. Первенство мировоззренческого прорыва в этом направлении, бесспорно, принадлежит Танзиле Зумакуловой, которая интегрировала в национальную литературу образ камня с «женским лицом». Ее знаменитый образ «цветок на каменной скале» стал сконденсированным выражением духа горянки — внешне хрупкой и нежной (цветок), но стойкой и мужественной в своей основе (камень).

Литература

- Аппаева Ж. М. Есть такой музей // Мир музея. М., 2004 (май). С. 42–45.
- Бгажноков Б. Х. Основания гуманистической этнологии. М.: Изд-во РУДН, 2003. 272 с.
- Берберов Б. А. Историческая память в карачаево-балкарском устном народном творчестве второй половины XX века: жанр, поэтика, контекст: дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2013. 320 с.
- Живое слово. Кязимовский сборник. Нальчик: изд-во М. и В. Котляровых, 2005. 157 с.
- Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск: Урал LTD, 1999. 500 с.
- Каракетов М. Д. Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. М.: Наука, 1995. 346 с.

- Климович Л. И. Книга о Коране. М.: Политиздат, 1986. 270 с.
- Кочесоков Р. Х., Кучукова З. А. Гуманитарная наука в региональном вузе // Высшее образование в России. 2017. № 3 (210). С. 116–121.
- Кулиев К. Ш. Поэт всегда с людьми. М.: Советский писатель, 1986. 336 с.
- Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): хрестоматия. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.
- Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. 656 с.
- Таумурзаланы Д. М., Байрамкьулланы Х. М. Къарачай-малкъар халкъ оюнла (Карачаево-балкарские народные игры). Нальчик: Эльбрус, 1998. 208 с.
- Урусбиева Ф. А. Метафизика колеса. Вопросы тюркского культурогенеза. Сергиев Посад: «Весь Сергиев Посад», 2003. 208 с.
- Хаджиева Т. М. Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. С. 8–66.
- Хакуашева М. А. Литературные архетипы в художественных произведениях адыгских писателей. Нальчик: Ин-т гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2007. 378 с.
- Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны. М.: Советский писатель, 1988. 415 с.
- Julien N. *Slovar' simvolov* [The Mammoth dictionary of symbols]. Chelyabinsk, Ural Publ. Ltd., 1999, 500 p. (In Russ.).
- K"arachay-malk"ar fol'klor (Karachaevo-balkarskiy fol'klor): Khrestomatiya [Karachay-Balkar folklore: chrestomathy]. Nalchik, El-Fa Publ., 1996, 592 p. (In Karach.-Balk.).
- Karaketov M. D. *Iz traditsionnoy obryadovokul'tovoy zhizni karachaevtsev* [Some ceremonial and ritual patterns of the Karachay people]. Moscow, Nauka Publ., 1995, 346 p. (In Russ.).
- Khadzhieva T. M. *Nartskiy epos balkartsev i karachaevtsev* [The Nart sagas of the Balkar and Karachay people]. *Narty. Geroicheskiy epos balkartsev i karachaevtsev* [The Narts. A heroic epic of the Balkar and Karachay people]. Moscow, Nauka Publ., pp. 8–66 (In Russ.).
- Khakuasheva M. A. *Literaturnye arkhetipy v khudozhestvennykh proizvedeniyakh adygskiikh pisateley* [Literary archetypes in fiction of Adyghe writers]. Nalchik, Humanities Research Institute (Kabardino-Balkar Scientif. Center of the RAS) Press, 2007, 378 p. (In Russ.).
- Klimovich L. I. *Kniga o Korane* [A book about the Quran]. Moscow, Politizdat Publ., 1986, 270 p. (In Russ.).
- Kochesokov R. Kh., Kuchukova Z. A. *Gumanitarnaya nauka v regional'nom vuze* [Humanities in a regional university]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* (Higher Education in Russia journal), 2017, No. 3 (210), pp. 116–121 (In Russ.).
- Kuliev K. Sh. *Poet vseгда s lyud'mi* [The poet always stays with people]. Moscow, Sovetskiy Pisatel Publ., 1986, 336 p. (In Russ.).
- Narty. Geroicheskiy epos balkartsev i karachaevtsev* [The Narts. A heroic epic of the Balkar and Karachay people]. Moscow, Nauka Publ., 1994, 656 p. (In Russ.).
- Taumurzalany D. M., Bayramkullany Kh. M. *K"arachay-malk"ar khalk" oyunla* (Karachaevo-balkarskie narodnye igry) [Karachay-Balkar national games]. Nalchik, Elbrus Publ., 1998, 208 p. (In Karach.-Balk.).
- Urusbieva F. A. *Metafizika koleasa. Voprosy tyurkskogo kul'turogeneza* [Metaphysics of the wheel. Questions of Turkic cultural genesis]. Serгиеv Posad, Ves' Serгиеv Posad Publ., 2003, 208 p. (In Russ.).
- Zhivoe slovo. *Kyazimovskiy sbornik* [The Living Word. Kyazimovsky collection]. Nalchik, M. and V. Kotlyarov Publ., 2005, 157 p. (In Russ.).

References

- Appaeva Zh. M. *Est' takoy muzey* [There is such a museum]. *Mir muzeya* (The Museum World journal), Moscow, 2004, May, pp. 42–45 (In Russ.).
- Berberov B. A. *Istoricheskaya pamyat' v karachaevo-balkarskom ustnom narodnom tvorchestve vtoroy poloviny XX veka: zhanr, poetika, kontekst: dis. ... dokt. filol. nauk* [Historical memory in the Karachay-Balkar oral tradition (mid-to-late 20th century): genre, poetics, context. A Ph.D. thesis]. Nalchik, 2013, 320 p. (In Russ.).
- Bgazhnokov B. Kh. *Osnovaniya gumanisticheskoy etnologii* [Fundamentals of humanistic ethnology]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Press, 2003, 272 p. (In Russ.).
- Epstein M. N. *Paradoksy novizny* [Novelty paradoxes]. Moscow, Sovetskiy Pisatel Publ., 1988, 415 p. (In Russ.).

УДК 392

АКТУАЛИЗАЦИЯ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ «КАМНЯ» В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕЗухра Ахметовна Кучукова¹

¹ доктор филологических наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова (Нальчик, Российская Федерация). E-mail: kuchuk60@list.ru

Аннотация. Под «архетипом» подразумевается матрица общечеловеческой культурной памяти, смысл которой залегает глубже индивидуального опыта отдельной личности. Теория архетипов достаточно хорошо разработана в трудах многих зарубежных и русских ученых: К. Г. Юнга, Ю. В. Доманского, Е. М. Мелетинского, В. А. Маркова, А. А. Колесникова, М. А. Хакушевой и др. На современном этапе актуальной представляется задача изучения ключевых архетипов на этнокультурном материале для уяснения особенностей «логоса» и «голоса» разных народов мира. Автор данной статьи крупным планом рассматривает центральный архетипический образ карачаево-балкарской культуры — «камень» — в суммарном составе всех его мифопоэтических значений. Придерживаясь мнения о тесной соотнесенности горно-скалистого этноландшафта и ключевого архетипа, в первой части статьи автор рассматривает статус камня в материальной культуре горцев Северного Кавказа: каменное жильё, забор, мельничные жернова, крепость, печь, точильный камень, оберег, молитвенный коврик, камень-гнет, астрономический календарь, мера площади, предмет для гадания, спортивный инвентарь, талисман, целебный камень, надгробие и др. Особую группу составляют камни, используемые в народных играх. Этнографы различают около 250 наименований камней в карачаево-балкарском языке. Во второй части исследования рассматриваются основные архетипические значения «камня» в карачаево-балкарской версии эпического памятника «Нарты». Это — колыбель первочеловека; каменные информативные книги; твердь, побеждающая хаос; «каменный» способ познания мира; код привязанности человека к родной земле. Основные фольклорные мотивы «камня» имеют продуктивное, творческое преломление в профессиональной литературе карачаевских и балкарских авторов.

Ключевые слова: архетип, петроцентрическое сознание, карачаево-балкарский фольклор, этнография, лейтмотив камня, предметный мир, нартский эпос.